

**ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРАКТИКА
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ЯНВАРЬ–ИЮНЬ 2019 ГОДА**

За шесть первых месяцев 2019 года рассмотрено 45 дисциплинарных производств. В результате было вынесено 14 замечаний и 5 предупреждений, статус 7 адвокатов прекращен, остальные дела прекращены по разным основаниям: 13 – ввиду отсутствия нарушений в действиях (бездействии) адвоката, одно из которых в отношении пяти адвокатов; 2 – в силу малозначительности совершенного адвокатом проступка; 1 – вследствие отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства; 1 – в связи с подачей адвокатом заявления о прекращении статуса. Одно дело направлено Советом АП Санкт-Петербурга (далее – Совет) в Квалификационную комиссию (далее – Комиссия) для нового разбирательства. Одно решение Совета о применении мер дисциплинарной ответственности к адвокату отменено в соответствии п.3 ст.25 Кодекса профессиональной этики адвоката в связи с наличием вновь открывшихся обстоятельств.

ЛИШЕНИЕ СТАТУСА

Два адвоката – О. и Ф. – были лишены своих статусов без права допуска к сдаче квалификационного экзамена в течение последующих 5 лет за неисполнение своих

обязанностей перед доверителем, а также неуплату ежемесячных отчислений на нужды палаты и целевого разового взноса на помощь ветеранам петербургской адвокатуры.

Жалоба на адвоката О. была подана его доверителем – председателем правления ТСН, который заключил с адвокатом соглашение на оказание юридической помощи по взысканию задолженности по взносам с членов Товарищества и перечислил за работу представителя 35000 рублей на счет адвокатского образования. Адвокат О. иски в суд к должникам своевременно не предъявил, отчет о работе не представил, от контактов с доверителем уклонялся.

Помимо этого, адвокат О. не производил ежемесячные отчисления на общие нужды АП СПб в течение семи месяцев и не оплатил целевой разовый взнос для финансирования помощи ветеранам петербургской адвокатуры. Более того, в июне 2018 года О. был отчислен из коллегии адвокатов, где осуществлял профессиональную деятельность, но вплоть до момента рассмотрения дела Советом – март 2019 – не уведомил палату об избрании другого адвокатского образования.

Адвокат О. не представил объяснений и не явился за заседания Комиссии и Совета, которые пришли к выводу, что адвокатом О. нарушены п.1 ст.8 Кодекса, подп.5 п.1 ст.7, подп.4 п.1 ст.7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63–ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и п.6 ст.15 Кодекса. Совет АП СПб также принял во внимание наличие у адвоката О. действующих дисциплинарных взысканий в виде замечания и предупреждения, и прекратил статус адвоката.

Адвокат Ф., к которому применена аналогичная мера дисциплинарной ответственности, не заключил со своим доверителем соглашение в письменной форме, не внес в кассу адвокатского образования сумму полученного гонорара, не присутствовал ни на одном из восьми судебных заседаний и не приступил к выполнению взятых на себя обязательств перед доверителем. Адвокат также не производил ежемесячные отчисления на нужды палаты в течение восьми месяцев, не заплатил целевой разовый взнос без уважительных причин, кроме того ранее ему уже было объявлено замечание.

НЕЯВКА В СУДЕБНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Четырем адвокатам были объявлены замечания и одному вынесено предупреждение за неявку в судебные заседания.

Так, судья Смольнинского районного суда Санкт-Петербурга направила в палату обращение, где указала, что с марта 2017 в ее производстве находится уголовное дело по обвинению Х., защиту которого на основании соглашения осуществляет адвокат Ж., которая не явилась в 10 судебных заседаниях по делу, направляя СМС-сообщения в день заседаний своей подзащитной о наличии у адвоката заболеваний, прохождении лечения в медицинских учреждениях, посещениях врачей, прохождении лечения на дому либо о том, что вызвана скорая медицинская помощь или врач по месту жительства. В суд адвокатом Ж. была представлена единственная справка о том, что в период с 12.02.2018

по 26.02.2018 адвокат была нетрудоспособна. На требования суда представить медицинские документы, подтверждающие уважительность причин неявки в судебные заседания, адвокат сообщала, что имеет свой кабинет и не нуждается в больничных листах.

Судья полагала, что адвокат Ж. нарушила не только права подсудимой, но и права 22 потерпевших по делу, каждый из которых имеет право на рассмотрение дела в разумный срок.

Адвокат Ж. на заседании Комиссии сослалась на то, что проходит курс лечения и просила отложить рассмотрение обращения судьи. В дальнейшем адвокат не пришла как на заседание Комиссии, так и на заседание Совета.

Совет вслед за Комиссией пришел к выводу, что адвокатом Ж. умышленно нарушены положения ст.12 Кодекса, что выразилось в многочисленных неявках адвоката в судебные заседания без предоставления суду документов, подтверждающих уважительность причин.

Адвокату Ж. объявлено замечание.

Судья Фрунзенского районного суда Санкт-Петербурга сообщила палате, что адвокат К., осуществляющий по соглашению защиту Т., будучи лично уведомленным о дате, времени и месте судебного заседания, в середине января 2019 года в него не явился, не сообщив причины неявки, что повлекло отложение судебного разбирательства, в которое помимо подсудимого, доставленного конвоем, явились два потерпевших и два свидетеля. По телефону адвокат К. сообщил секретарю судебного заседания, что он находится в командировке и в судебное заседание не явится. О дате окончания командировки пояснить не смог.

Адвокат К. пояснил, что в конце ноября 2018 при его участии судебное заседание было отложено на конец декабря 2018 из-за неявки свидетелей, в конце декабря заседание не состоялось из-за занятости судьи приговором по другому делу. Помощник судьи сообщила, что дело будет отложено другим судьей на середину января 2019. Адвокат К. сообщил помощнику, что он будет находиться вне пределов Санкт-Петербурга, осуществлять защиту по другому уголовному делу. По просьбе адвоката помощник судьи устно довела до судьи эту информацию, однако судья решила не изменять дату заседания с тем, чтобы отложить из-за неявки адвоката, и просила к следующему заседанию представить суду оправдательные документы.

Адвокат К. сразу уведомил об этом подзащитного, который не возражал против отложения судебного заседания из-за занятости адвоката в другом уголовном деле. Адвокат не заявил письменного ходатайства об отложении дела, так как полагал, что устного сообщения помощника судье будет достаточно, чтобы без проверки его достоверности не обращаться в АП СПб с обвинением в адрес адвоката. Более того, узнав о том, что судья намерена обращаться в АП СПб, адвокат предложил немедленно направить ей письменное ходатайство с приложением доказательств уважительности причин неявки, однако его предложение было отвергнуто судьей. На перенесенное

судебное заседание адвокат К. явился, представил все доказательства (проездные билеты, скриншот движения дела в суде другого региона и т.п.), принес судье извинения, которые были ею приняты.

Комиссия и Совет пришли к выводу о нарушении адвокатом К. п.1 ст.14 Кодекса, что выразилось в неявке адвоката в Фрунзенский районный суд Санкт-Петербурга для участия в судебном заседании по уголовному делу без уведомления суда о причине неявки.

Адвокату К. объявлено замечание.

Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. послужило обращение судьи Санкт-Петербургского городского суда. В производстве суда находилась апелляционная жалоба адвоката Д. на постановление Дзержинского районного суда Санкт-Петербурга о продлении срока содержания под стражей Ш., защиту которого в рамках предварительного следствия, помимо адвоката Д., на основании соглашения осуществлял и адвокат М. В судебное заседание адвокат М. не явился, хотя, как указывала судья, был извещен о нем *более чем за 10 суток*. Документы об уважительности причин неявки адвокат не представил, но его неявка стала причиной отложения заседания.

Адвокат М. не оспаривал фактов, изложенных судьей, но и не усмотрел в своих действиях каких-либо нарушений кодекса либо Закона об адвокатуре. Он указал, что предупредил коллегу – адвоката Д. – и подзащитного Ш., что в день заседания будет находиться в отпуске за пределами Санкт-Петербурга, и на этом основании считал вопрос согласованным. Интересы Ш. должен был представлять адвокат Д., а о том, что адвокат Д. не сможет присутствовать в судебном заседании, адвокату М. не было известно. В связи с достигнутыми договоренностями адвокат Д. не посчитал необходимым извещать суд о нахождении в отпуске, поскольку обвиняемый Ш. был обеспечен защитой.

Комиссия и Совет решили, что адвокатом М. допущены нарушения п.1 ст.14 Кодекса, в соответствии с которым *при невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения, адвокат должен при возможности заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий*, что выразилось в неявке адвоката М. в назначенный день в Санкт-Петербургский городской суд для рассмотрения апелляционной жалобы по делу своего подзащитного не явился; о причине неявки адвокат суд не уведомлял, заблаговременно не известил суд о запланированном отпуске, о переносе даты рассмотрения жалобы не ходатайствовал.

Адвокату М. объявлено замечание.

В отношении адвоката М. жалоба поступила от его доверителя П. В середине августа 2018 между ними было заключено соглашение об оказании юридической помощи по представлению интересов П. в Красносельском районном суде Санкт-Петербурга и Всеволожском городском суде Ленинградской области по оспариванию сделок и завещаний, стоимость услуг по которому была определена в 150000 рублей, которые были оплачены в два приема. Вопреки условиям соглашения, М. потребовала дополнительно 150000 рублей *«за представление интересов в Красносельском районном суде Санкт-Петербурга»*, которые П. также внес. При этом дополнительного соглашения не оформлялось.

По мнению доверителя, взятые на себя обязательства адвокат М. исполняла ненадлежащим образом. Во-первых, в результате неоднократных отложений, в том числе по вине адвоката, иск, поданный во Всеволожский городской суд ЛО, после двух неявок адвоката в судебные заседания был оставлен без рассмотрения. Во-вторых, рассмотрение иска П. о признании сделки недействительной и признании права собственности, поданного в Красносельский районный суд, также неоднократно откладывалось по ходатайству адвоката (или ее неявки) для подготовки вопросов экспертам, вызова эксперта для дачи пояснений и т. п. В итоге адвокат М. вопросов эксперту не подготовила, в судебное заседание, в которое был по ее ходатайству вызван эксперт, без уважительных причин не явилась, поэтому дело рассмотрено в ее отсутствие и в иске отказано. Формально составленная апелляционная жалоба оставлена судом без удовлетворения.

Адвокат М. указала, что с П. было заключено два соглашения: *«на представление интересов во Всеволожском, Красносельском районном суде СПб, Ленинградском областном и Городском суде г. СПб (апелляционная и кассационная инстанция Красносельского районного суда СПб)»* и *«на представление интересов П. в Смольнинском районном суде СПб»*. Адвокат считала, что *«все обязательства по всем соглашениям выполнены в полном объеме и надлежащим образом»*. Указывала, что получила от П. вознаграждение за работу по соглашениям: в Красносельском районном суде Санкт-Петербурга – 150000 рублей, во Всеволожском городском суде ЛО – 150000 рублей, в Смольнинском районном суде Санкт-Петербурга – 10000 рублей.

На заседании представитель адвоката М. заявила ходатайство о приобщении к материалам дисциплинарного производства дополнительных письменных объяснений адвоката М. и копий соглашений. Кроме того, представитель пояснила, что на ведение всех дел по соглашениям с П. были оформлены ордера и представлены в суд, на внесенное доверителем вознаграждение всегда оформлялись приходные документы, копии которых также представлены Комиссии.

П. на заседании Комиссии поддержал свою жалобу и обратил внимание Комиссии на то, что дополнительные документы участники дисциплинарного производства должны подавать заблаговременно, поэтому он против использования их в качестве доказательств в дисциплинарном производстве.

В соответствии с п.2 ст.23 Кодекса письменные доказательства и документы, которые участники намерены представить в Комиссию, должны быть переданы ее

секретарю не позднее 10 суток до начала заседания. Комиссия может принять от участников дисциплинарного производства к рассмотрению дополнительные материалы непосредственно в процессе разбирательства, если они не могли быть представлены заранее. Поэтому Комиссия пришла к выводу о невозможности использовать представленные доверенным лицом адвоката дополнительные материалы в качестве доказательств по дисциплинарному производству. Комиссия учла, что П. не предъявлял претензий по исполнению адвокатом соглашения по представительству в Смольнинском районном суде Санкт-Петербурга и претензий материального характера, а дополнительные материалы касались именно этих вопросов. К тому же, П. выразил сомнение относительно подлинности своей подписи под представленными копиями соглашений и приходными кассовыми ордерами.

Комиссия пришла к выводу, что адвокатом М. нарушены требования п.1 ст.8 Кодекса, поскольку, заключив соглашение, предметом которого являлось *«представление интересов Красносельский, Всеволожский Городской суд, оспаривание сделок и завещаний»*, адвокат М. неоднократно без уважительной причины не являлась в судебные заседания. Также были нарушены положения п.п.1 и 2 ст.25 Закона об адвокатуре, поскольку адвокат М. без заключения письменного соглашения приняла на себя и исполнила обязательства по апелляционному обжалованию решений судов первой инстанции.

Совет согласился с выводами Комиссии и вынес адвокату М. предупреждение.

ФАМИЛЬЯРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ДОВЕРИТЕЛЕМ

Доверитель Ф. в жалобе на адвоката К. указала, что, подавая иск в суд, наняла адвоката, который в день заключения соглашения получил от нее всю сумму гонорара - 45000 рублей. В дальнейшем Ф. была вынуждена отказаться от услуг адвоката К., полагая, что предоставленные ей услуги по оказанию юридической помощи ненадлежащего качества.

После расторжения соглашения Ф. устно и письменно обращалась к адвокату К. с просьбой вернуть ей ранее предоставленные ему оригиналы и копии документов, в том числе оригинал нотариальной доверенности, и произвести взаиморасчеты. В ответ в ее адрес от адвоката К. стали поступать угрозы уголовного преследования и оскорбления. Ф. полагала, что ее законные требования адвокатом К. были проигнорированы, и просила рассмотреть жалобу, определив, *«соответствуют ли требованиям профессиональной этики поведение адвоката»*, обязать адвоката вернуть документы и 50% уплаченной ему суммы.

Адвокат К. факт заключения соглашения с Ф. и получения денег не оспаривал. Он, ознакомившись с материалами дела и оценив сложность сложившейся ситуации (противниками доверительницы были сотрудники полиции и администрация медучреждения), посоветовал Ф. действовать в определенном порядке, при котором сначала будут собраны необходимые для дела доказательства. По действиям Ф., в том числе, невыдаче адвокату доверенности от имени административного истца, адвокат К. понял, что второй адвокат – Б., помогающая Ф. по ее делам, пытается отстранить его от

участия в делах. Ф. по телефону отказалась от услуг адвоката К., сказав, что не имеет к нему никаких претензий, но она просто боится. Отказалась Ф. от услуг адвоката К. и по делу, по которому врачи оказали некачественные услуги, повлекшие неблагоприятные последствия. Исковые заявления, поданные в суд без участия адвоката К., удовлетворены не были, а апелляционная инстанция оставила решение суда без изменения. В телефонных разговорах с адвокатом К. доверительница сетовала на то, что адвокат Б. от общения уклоняется, на телефонные звонки не отвечает. Адвокат К. предложил Ф. предоставить ему для изучения документы по делу, но этого сделано не было.

Адвокат К. обращал внимание на то обстоятельство, что в жалобе не сообщается, в чем именно выражена «некачественность» оказанных им услуг, что оригиналов документов у него нет, а есть копии тех документов, которые он получил, работая по делу. Адвокат К. полагал, что за более чем год работы по делам Ф. услуги им были оказаны качественно, не видел оснований для возврата доверительнице каких-либо денежных сумм, полагал, что причиной жалобы явилась обида за проигрыш дела и желание выместить на адвокате К. свое недовольство. Адвокат К. также не согласился с тем, что он, якобы, высказывал в адрес Ф. угрозы.

Комиссия пришла к заключению, что адвокатом К. допущены нарушения подп.2 п.4 ст.25 Закона об адвокатуре, в соответствии с которым существенным условием соглашения является предмет поручения, а в заключенном соглашении об оказании юридической помощи предмет поручения был сформулирован адвокатом К. как «оказать юридическую помощь Доверителю путем представления по гражданским, уголовным делам и материалам адм. производства», что носит неопределенный характер, поэтому установить объем и характер фактически принятого адвокатом поручения не представляется возможным.

Адвокат также нарушил п.2 ст.8 и п.5 ст.10 Кодекса, в соответствии с которыми при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению и адвокат не должен допускать фамильярных отношений с доверителем, что выразилось в употреблении адвокатом К. фамильярных фраз в электронной переписке с Ф.: обращение на «ты», «из-за своей глупости» (в адрес доверителя), «свою трусость», «ты со своим адвокатом сделала дурь».

Адвокат К. на заседании Совета сообщил, что он не участвовал на заседании Комиссии, но с ее заключением знаком и частично согласен, хотя считает, что «нет ярко выраженной моей вины» и «я два раза допустил обращение на «ты»».

Совет согласился с выводами Комиссии и объявил адвокату К. замечание.

УСЛУГИ ВНЕ РАМОК АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Доверитель Ж. в жалобе указала, что заключила с ООО, основным видом деятельности которого является деятельность в области права, договор на оказание

юридических услуг по вопросу раздела имущества с бывшим супругом, исполнение условий которого было поручено юристу ООО К. на основании доверенности. На следующий день после заключения договора юристу К. был присвоен адвокатский статус, но К. соглашение на оказание юридической помощи с Ж. не заключил, ордер не оформил, не явился в судебное заседание, не объяснив причины суду и участникам процесса.

Адвокат К. в объяснении указал, что статус адвоката ему был присвоен в середине июня 2017 года, адвокатское удостоверение получено 18.07.2017. До присвоения адвокатского статуса он состоял в трудовых отношениях с указанным ООО, где в качестве юриста предприятия в мае 2017 года составил исковое заявление Ж. о разделе супружеского имущества и направил его в суд.

Адвокат К. посчитал, что после присвоения ему адвокатского статуса он не имел основания для заключения с Ж. соглашения по тому же гражданскому делу и продолжил работу по доверенности. Согласно К., он не смог присутствовать на одном из предварительных судебных заседаний, о чем заблаговременно предупредил Ж. В начале июня 2018 Ж. инициировала прекращение работы К. по делу, в связи с заключением мирового соглашения; адвокат К. возвратил Ж. документы, что подтверждено распиской.

Комиссия и Совет посчитали, что адвокат К., получив статус адвоката и продолжив оказывать юридическую помощь Ж. через ООО по доверенности, нарушил п.3 ст.9 Кодекса. Кроме того, отсутствие соглашения между адвокатом К. от своего имени как адвоката и доверителем свидетельствует о нарушении адвокатом К. п.п.1 и 2 ст. 25 Закона об адвокатуре).

Адвокату объявлено замечание.

В ноябре 2018 в АП СПб поступило коллективное обращение четырех граждан, в котором указывалось, что адвокат М. является учредителем нескольких предприятий; в одном из них он занимает штатную должность исполнительного директора с функциями осуществления юридических услуг для предприятия; имеет залоговые обязательства перед ними на общую сумму 56000000 рублей.

В ходе служебной проверки было установлено, что авторы обращения не являются доверителями адвоката М., а залоговые обязательства перед гражданами не связаны с осуществлением им адвокатской деятельности.

В представлении был поставлен вопрос о привлечении адвоката М. к дисциплинарной ответственности, в связи с тем, что, занимая штатную должность исполнительного директора в ООО с функциями осуществления юридических услуг для предприятия, М. нарушает требования п.1 ст.2 Закона об адвокатуре.

Адвокат М. дал пояснения, что он действительно имеет залоговые обязательства перед авторами обращения, но они не связаны с его адвокатской деятельностью; пояснил также, что действительно работает по трудовому договору в ООО: «оказываю юридические услуги для предприятия, представляю интересы в судах». ООО, согласно

уставу, вправе осуществлять юридическую деятельность, консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления.

Комиссия пришла к выводу о нарушении адвокатом п.1 ст.2 Закона об адвокатуре, поскольку он состоял в трудовых отношениях с ООО, которое в качестве основного вида деятельности осуществляет оказание юридических услуг. Также адвокат нарушил п.3 ст.9 Кодекса так как оказывал юридическую помощь в рамках деятельности ООО.

Адвокат М. на заседании Совета сообщил, что уволен и не состоит в трудовых отношениях с ООО, что подтвердил приказом.

Совет согласился с заключением Комиссии и объявил адвокату замечание.

ГОНОРАР В КАССУ ООО И ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ-БЛАГОДАРНОСТЬ

Т., в связи с возбуждением следственным управлением в отношении нее уголовного дела, договорилась с адвокатом У. об оказании юридической помощи. Плата за выполнение поручения на стадии предварительного расследования была определена сторонами в 25000 рублей, при судебном разбирательстве – так же 25000 рублей.

За первый этап работы Т. перечислила на банковскую карту У. условленную сумму. Документы в связи с произведенными платежами, как и соглашение в письменной форме, адвокат ей не выдала.

На стадии предварительного следствия У. приняла участие лишь в одном следственном действии – допросе подзащитной в качестве обвиняемой в отделе полиции.

Далее адвокат У. попросила Т. оплатить предстоящую работу на стадии судебного разбирательства, заверив доверителя, что располагает всеми необходимыми для суда документами. На просьбу доверителя ознакомить с документами дела, результатами работы в целом на стадии предварительного расследования У. ответила обещанием выслать эту информацию на электронную почту, однако обещания не исполнила, а впоследствии потребовала оплатить оставшееся ей вознаграждение в сумме 27000 рублей за ее услуги некой юридической фирме – ООО «Г». С этой фирмой Т. в договорных отношениях не состояла, У. об этом предприятии никогда не упоминала.

В электронной переписке У. предупредила доверителя о том, что все ее письма передает в службу безопасности ООО «Г», и скоро с ней свяжутся сотрудники этого предприятия. Полагая, что У. ее обманывала и поручение в действительности не исполнила, доверитель просила привлечь адвоката к дисциплинарной ответственности и обязать возратить уплаченное вознаграждение.

Адвокат У. подтвердила, что приняла предложение на осуществление защиты Т., привлеченной к уголовной ответственности за мошенничество. Полученные от Т. 25000 рублей были переданы адвокатом в ООО «Г», но документов о передаче денег не было.

Адвокат сообщила, что в результате больших трудов и уговоров ей удалось добиться согласия потерпевшего на прекращение уголовного дела в связи с

примирением сторон при условии возврата ему денежных средств. Однако Т. пропадала, сроки неоднократно переносили, потерпевший разозлился и намерен наказать Т.

У. пояснила, что не в ее компетенции представить Квалификационной комиссии документы о ее работе по делу и вернуть Т. денежные средства, ввиду категорического запрета генерального директора ООО «Г» совершать эти действия.

По поступлению жалобы в целях разрешения конфликта У. возвратила Т. почтовым переводом 25000 рублей личных средств.

Комиссия и Совет пришли к выводу, что адвокат У. нарушила требования п.п.1, 2 и 6 ст.25 Закона об адвокатуре, что выразилось в отсутствии письменного соглашения на оказание юридической помощи на стадии предварительного расследования, невнесении полученных от доверителя 25000 рублей в кассу адвокатского образования, а передаче их в ООО, документы о принятом гонораре клиенту адвокат также не передала.

Адвокату У. объявлено предупреждение.

В похожей ситуации оказалась доверитель Д. Осенью 2017 года она заключила соглашение с адвокатом Г. на оказание юридической помощи в Невском районном суде Санкт-Петербурга ее сыну – Д.В., обвиняемому в совершении преступлений, и заплатила адвокату 100000 рублей. Никаких документов в связи с принятым поручением Г. ей не выдал. После вынесения приговора Д. заплатила адвокату Г. еще 30000 рублей «за услуги вторичного ведения уголовного дела» – защита в апелляционной инстанции. Указанная сумма была переведена на банковскую карту в августе 2018 и адвокатом получена, но соглашение на ведение дела в апелляционной инстанции сторонами заключено не было, так как Г. прекратил контакты с Д. в одностороннем порядке. Осенью 2018 осужденным была подана жалоба, которая до направления дела в вышестоящий суд была отозвана.

На заседании Комиссии адвокат Г. пояснил, что соглашение на защиту Д.В. выполнил полностью. Вознаграждение в размере 100000 рублей внес в кассу адвокатского образования. Полученные от Д. 30000 рублей являются вознаграждением-благодарностью за успешно проведенное дело, а не оплатой работы адвоката в апелляционной инстанции. Жалобу на приговор адвокат Г. не писал, так как заранее договорился с подзащитным о том, что приговор хороший и обжаловать в апелляционной инстанции его не надо. Письменного заявления от Д. по этому поводу не получал.

Комиссия и Совет заключили, что адвокатом Г. нарушены требования подп.2 п.4 ст.13 Кодекса, в соответствии с которым *«адвокат-защитник обязан обжаловать приговор» «если суд не разделит позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный»*. Адвокат Г., не имея письменного отказа подзащитного от обжалования приговора, не составил и не направил жалобу на приговор суда в апелляционную инстанцию. Также адвокат нарушил подп.1 и 2 ст.25

Закона об адвокатуре, поскольку не оформил с доверителем соглашение на ведение уголовного дела Д.В. в апелляционной инстанции, и п.6 ст.25 Закона об адвокатуре, так как не внес в кассу АО перечисленные на его банковскую карту 30000 рублей, не выдал приходного ордера в подтверждение данного платежа, в документах адвокатского кабинета не зафиксировал.

Адвокату объявлено замечание.

НЕТ НАРУШЕНИЙ

В январе 2019 в АП СПб поступило обращение начальника ФКУ ИК-4 УФСИН России по г. СПб и ЛО, в котором указывалось, что в декабре 2018 адвокатом З. было совершено правонарушение, выразившееся в том, что при прохождении досмотра в дежурной части следственного изолятора среди личных вещей и бумаг адвоката были обнаружены мобильные телефоны, usb-провод, фитнес-браслет и лекарства. В отношении адвоката З. был составлен протокол о правонарушении, предусмотренном ст.19.12. КоАП РФ «Передача или попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исправительной системы или изоляторов временного содержания».

Адвокат З. сообщила, что в декабре 2018 около 13 часов прибыла в ФКУ ИК-4 УФСИН России по г. СПб и ЛО (далее ИК-4) для оказания юридической помощи подзащитному. Во время написания заявления на предоставление допуска к свиданию с подзащитным сумка адвоката находилась в машине. Сотрудница ИК-4 сказала, что может провести адвоката на территорию прямо сейчас или через полтора часа. Адвокат З. поспешила к машине, забрала сумку, не проверив ее содержимое, забыв о нем и не думая о возможных последствиях. После прохождения КПП адвоката проводили в дежурную часть, где проводятся свидания с осужденными. Мест, где можно оставить для хранения свои личные вещи на территории ИК-4 нет. Комната для свиданий представляет собой учебный класс для сотрудников ИК-4. При досмотре сумки в ней были обнаружены мобильные телефоны, usb-провод, фитнес-браслет, лекарства адвоката. Адвокат З. пояснила дежурному, что эти предметы не нужны при работе с подзащитным и она может оставить их на период работы с ним. После долгих совещаний работники ИК-4 начали составлять протокол о правонарушении, в свидании с подзащитным в тот день адвокату было отказано. Адвокат З. указывала, что об ответственности по ст.19.12. КоАП РФ она знала. Намерения передать подзащитному вышеуказанные предметы у адвоката не было, подзащитный о передаче этих предметов не просил, о чем дал письменные объяснения. Адвокат З. указала, что осознала и сожалеет, что поступила легкомысленно и опрометчиво, а впредь намерена быть внимательной и осмотрительной.

На заседании Комиссии в феврале 2019 адвокат З. представила постановление мирового судьи, в соответствии с которым производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст.19.12. КоАП РФ, в отношении нее прекращено в связи с отсутствием события административного правонарушения.

Учитывая представленное судебное решение, Комиссия и Совет пришли к выводу, что в действиях (бездействии) адвоката З. отсутствуют нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, в связи с чем дисциплинарное производство было прекращено.

В ноябре 2018 года из следственного изолятора в палату поступила жалоба гражданина П., в которой он писал, что в январе 2018 его задержали и доставили в здание ФСБ, где держали всю ночь без отдыха, сна, еды, питья, без разрешения отправлять естественные надобности. На следующий день он был освидетельствован в больнице, но остаться на лечение ему не позволили оперативники. Лишь поздно вечером ему был предоставлен адвокат, но не тот, кого он просил, а адвокат Г., который сообщил П., что является коллегой его родственника и будет защищать его.

Доверитель указал, что плохо слышал, не понимал, что ему говорят, у него гудела голова,плыли круги перед глазами, он не мог стоять на ногах из-за отбитых почек. Подписи в документах он ставил под руководством адвоката Г. отбитой рукой там, где ему указывали. После этого адвокат ушел, а П. остался без врачебной помощи. Из-за плохого состояния и в связи с побоями П. не взяли в ИВС и впоследствии в СИЗО. Он провел вторую ночь без сна, отдыха, еды, воды. Знакомясь с материалами дела, П. обнаружил, что в ордере адвоката имеется пометка «по соглашению». П. ставит вопросы: с кем адвокат Г. заключал соглашение; организовал защиту так, что при задержании П. был зверски избит, не подал заявление о преступлении – избииении, не заявил ходатайство об оказании медицинской помощи и вызове врача, не отмечено, что П. сутки удерживали, не сообщая родственникам, не дали права на звонок защитнику, он не мог участвовать в следственных действиях из-за избииения.

П. обвинил адвоката Г. в том, что тот участвовал в ночном допросе, дал подписать ст.51 Конституции РФ, хотя даже изнемогавшему П. было, что сказать. Не давая оценки действиям адвоката, П. просил разобраться по существу жалобы.

Отвечая на содержание жалобы, адвокат Г. пояснил, что около 19:00 часов ему позвонил родственник автора жалобы и попросил помочь в связи с тем, что П. задержан сотрудниками ФСБ, а его самого допросили в качестве свидетеля, и он не может выступать в качестве защитника. Просил подменить адвоката, который должен был вскоре вступить в дело, сказав, что боится того, что задержанного вынудят дать признательные показания.

Адвокат Г. прибыл к подзащитному, составив и подписав с ним соглашение на символическую сумму. П. согласился на то, что его будет защищать Г. С участием адвоката Г. был составлен протокол задержания П., по совету адвоката П. отказался от дачи показаний в порядке ст.51 Конституции РФ, свою вину не признал. В протокол была внесена запись о плохом самочувствии и жалобах на боли в голове, руке и пояснице. Решение о проведении допроса принял следователь.

При обследовании П. были обнаружены и зафиксированы его телесные повреждения, записаны его жалобы, также было записано, что на лице имеется

гематома. Других видимых повреждений на П. не было, при адвокате его никто не бил. Следователь пояснил, что по факту применения физической силы будет проводиться проверка, то же подтвердил и руководитель следователя, приглашенный по настоянию адвоката. П. была предоставлена возможность сделать звонок отцу.

Родственнику П. адвокат Г. рассказал о своем участии в задержании и допросе, о том, что признательных показаний не давалось, пояснил, где стоит машина задержанного, и что все необходимые ходатайства подготовит днем. Родственник задержанного проинформировал адвоката Г., что на следующий день к защите приступит другой адвокат и при необходимости с адвокатом Г. свяжутся. На следующий день в телефонном разговоре адвокат Г. сообщил родственнику задержанного также о том, что «скорая помощь» подзащитному не вызывалась, так как врачей «скорой» в здание ФСБ не пропустили бы. П. был осмотрен врачом в больнице.

Со следователем адвокат Г. не был знаком, следователь адвоката для работы не вызывал, адвокат ни к чему не принуждал подзащитного П., в дело вступил по просьбе родственников П. для временного замещения адвоката. Поскольку со слов следователя все остальные лица дали признательные показания, адвокат не считает, что есть основания считать его нужным следователю адвокатом, поскольку следователю было отказано в признании вины и в рассмотрении дела в особом порядке.

Совет АП СПб посчитал установленным следующее:

Адвокат Г. по просьбе родственников П., задержанного сотрудниками ФСБ, прибыл в Следственную службу УФСБ СПб и ЛО для осуществления защиты задержанного. Адвокат заключил с П. соглашение на его защиту. в Следственной службе УФСБ СПб и ЛО, стоимость услуг адвоката была определена в 100 (сто) рублей. Соглашение было подписано адвокатом и подзащитным, что подтверждалось его копией.

Адвокат Г. присутствовал при составлении протокола задержания и допросе П. В протокол была внесена запись о плохом самочувствии задержанного и жалобах на боли в голове, руке и пояснице, а также, что П., по совету адвоката Г., отказался от дачи показаний в порядке ст.51 Конституции РФ, свою вину не признал.

За несколько часов до указанных следственных действий П. уже был осмотрен врачом в больнице, и имевшиеся у него телесные повреждения были зафиксированы. Фактическое задержание П. производилось до появления адвоката, поэтому повлиять на действия оперативных работников адвокат не мог, однако, он сделал так, чтобы причинение П. телесных повреждений было зафиксировано в протоколе, а начатый следователем в ночное время допрос был прекращен. Других видимых повреждений на П. не было, при адвокате его никто не бил. Указанные обстоятельства подтверждались копией рапорта об обнаружении признаков преступления, где было указано на телесные повреждения у задержанного, копией справки из следственного изолятора и копией медицинской справки.

Таким образом, Совет решил, что претензии, содержащиеся в жалобе, относительно того, что адвокат Г. никак не отреагировал на наличие следов побоев у П.,

не соответствуют действительности, поскольку именно позиция адвоката понудила следствие зафиксировать телесные повреждения у задержанного.

Ссылка П. на то, что подписи в документах он ставил под руководством адвоката Г. *«отбитой рукой там, где ему указывали»*, не содержали данных о противоправном поведении адвоката, не было указано, какие именно подписи задержанного, сделанные им в присутствии адвоката Г., и под какими документами причинили вред интересам доверителя.

Иные претензии, содержащиеся в жалобе, носили неконкретный характер, и поэтому не могли быть предметом рассмотрения.

Таким образом, Совет согласился с Комиссией в том, что в действиях (бездействии) адвоката Г. отсутствовали нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката. Дело было прекращено.

В сентябре 2018 ГУ Министерства юстиции РФ по Санкт-Петербургу направило в палату информационное письмо старшего следователя 5 отдела СЧ по РОПД Главного следственного управления Министерства внутренних дел РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в отношении пяти адвокатов: П., К., Г., Д. и Н.

В письме указывалось, что адвокаты, будучи неоднократно уведомленные надлежащим образом о необходимости явки для производства следственных действий с участием обвиняемых, без уведомления следователя не являлись в назначенное время, чем срывали проведение следственных действий. Кроме того, сведений о том, что они не могут принять участие в процессуальных действиях и ходатайства об их переносе ими не предоставлялись.

Адвокаты дали объяснения об отсутствии в их действиях каких-либо нарушений. В частности, адвокат П. указал, что соглашение об оказании юридической помощи его подзащитному он заключил одновременно с адвокатом К. По согласованию с подзащитным адвокат К. должен был участвовать в следственных действиях с участием доверителя в тех случаях, когда адвокат П. не мог принять в них участие. Условно сторонами было определено, что адвокат П. является основным адвокатом, а адвокат К. – дополняющим. В указанные следователем даты адвокат П. мог участвовать в назначенных по делу следственных действиях, в связи с чем адвокат К. в них участия не принимал. Адвокат П. также обращал внимание, что при проведении следственных действий допускались нарушения права на защиту обвиняемого, в связи с чем адвокатом П. от своего имени и от имени подзащитного подавались соответствующие ходатайства. Даты подачи ходатайств указаны в постановлениях следователя, вынесенных по ходатайствам.

Указание даты участия адвоката П. в следственных действиях имеется и в документах Ленинградского областного суда, и в протоколе судебного заседания. Адвокат обращал внимание на то, что в уведомлениях следствия указывались даты без учета того, что в те же дни назначались заседания судом, а другие действия, кроме

ознакомления с материалами дела были невозможны, так как требования ст.215 УПК РФ следствием уже были выполнены.

Также адвокат П. указал, что следствием по делу была допущена волокита, его доверитель содержался под стражей до истечения предельного срока содержания, и следствием дело в суд направлено не было. Сроки следствия превысили 12 месяцев при отсутствии особой сложности расследования. Эти нарушения следствия видны как из следственных документов, так и из судебных: требования ст.215 УПК РФ следствием выполнены, но ознакомление с материалами дела не начато. Адвокат П. предположил, что следователь отправил информационное письмо о якобы допущенных адвокатами нарушениях, чтобы избежать ответственности за допущенные им нарушения.

Адвокат К. добавил, что он не был уведомлен следователем о ряде следственных действий. В один из дней следственные действия по согласованию с подзащитным проводились с участием адвоката П. Кроме того, обвиняемый и адвокат П. были уведомлены следователем об окончании предварительного расследования, в связи с чем после этого следственные действия проводиться не могли.

Адвокат Г. сообщил, что осуществлял защиту другого обвиняемого по делу. За три дня до проведения следственного действия он был уведомлен о его проведении, в назначенное время адвокат Г. и его подзащитный явились в 5 отдел СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД РФ по г. СПб и ЛО, однако им было сообщено, что следователь находится в следственном изоляторе, где проводит следственные действия с другими лицами, а о новой дате следственных действий с участием обвиняемого будет сообщено дополнительно.

В другие дни, которые указывались в информационном письме, адвокат Г. не мог участвовать в следственных действиях, поскольку находился в суде другого субъекта, о чем сообщил руководителю следственной группы.

Адвокат Д. указал, что неоднократно принимал участие в производстве различных следственных действий с его подзащитным – предъявление обвинения, допрос обвиняемого, очные ставки, ознакомление с назначениями по делу экспертиз и с заключениями экспертов. За время работы каких-либо претензий и замечаний от подзащитного не поступало. В период, когда адвокат Д. находился в очередном отпуске, о чем заблаговременно уведомил подзащитного и следователя, со следователем было условлено, что следственные действия с подзащитным можно проводить с участием адвоката Н. Сам подзащитный против этого не возражал, о чем им следователю было подано соответствующее заявление.

В период отпуска адвоката Д. следователь неоднократно вызывал подзащитного, но когда тот являлся, следователь переносил следственные действия на иные даты, ссылаясь на занятость. Явки подзащитного фиксировались в журналах учета посетителей. Адвокат Д. был осведомлен, что судом была изменена мера пресечения одному из обвиняемых по делу, поскольку следствием был нарушен предусмотренный ч.5 ст.109 УПК РФ срок предоставления материалов дела для ознакомления. Адвокат Д. полагал, что из-за допущенной следствием волокиты в отношении следователей может

проводиться проверка, в связи с чем информационное письмо было направлено для попытки оправдать грубую волокиту.

Адвокат Н. сообщил, что передал следователю ходатайство о заблаговременном – за 5 суток – уведомлении его о производстве следственных действий, на что следователь ответил отказом и попросил покинуть кабинет. Сведения о том, что адвокат Н. был заблаговременно уведомлен следователем о проведении следственных действий, не соответствуют действительности. Адвокаты Н. и Г. приходили к следователю для получения уведомления о запланированных следственных действиях. Руководитель следственной группы в телефонном разговоре пояснил, что следователей на месте нет, никакие следственные действия с их подзащитным проводиться не будут, на чем разговор был закончен. Уведомлений о назначении следственных действий с участием его подзащитного адвокату Н. не поступало.

Комиссия установила, что вопреки требованиям подп.6 и 7 п.2 ст. 20 Кодекса представление Минюста носило общий, неконкретный характер. В нем отсутствовали указания на конкретные даты, на время и место проведения конкретных следственных действий, которые были сорваны адвокатами. Отсутствовали доказательства надлежащего уведомления адвокатов о проведении конкретных следственных действий.

Таким образом, Комиссией и Советом не было установлено оснований для привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности, дело прекращено.